

Реализация в советском обществе марксистского учения о преодолении действия закона общественного разделения труда

Итак, Согласно марксистскому учению действие закона общественного разделение труда с целью ликвидации условий для социального паразитирования, эксплуатации и угнетения одних другими преодолевается в процессе целенаправленных коммунистических преобразований путем:

а) дальнейшего развития производительных сил, механизации производства и управления, формирования всесторонне развитой личности с широкой специализацией, ликвидации пожизненных оплачиваемых профессий;

б) слияния городского и сельского труда и как следствие ликвидации товарного производства и обмена;

в) ликвидации различий между умственным и физическим трудом, трудом творческим и рутинным, их чередованием;

г) ликвидации различий в условиях жизни в больших, средних и малых городах, развития не больших, а малых и средних городов, приближенных к источникам сырья с одинаковыми условиями проживания;

д) ликвидации разделения управленческого и управляемого труда;

е) замены действия закона общественного разделения труда законом перемены общественного труда.

Отмеченное, конечно, было известно большевикам во главе с В.И. Лениным. Однако, придя к власти, они обнаружили, что отсталость России не позволяет целенаправленно реализовывать мероприятия первой фазы коммунизма. Малоразвитая промышленная база, мелкотоварное, сельскохозяйственное производство, осуществляемое единоличными крестьянскими хозяйствами во главе с кулачеством. Все это получили в наследство от царской России большевики.

Положение усугублялось империалистическим окружением, гражданской войной и интервенцией стран Антанты против молодой советской республики.

Идея создания пролетарского государства провалилась сразу, так как не было в достаточном количестве самого пролетариата. Россия на 90% была крестьянской страной, $\frac{3}{4}$ населения которой не умело ни читать, ни писать. Государство получилось не пролетарским, а рабоче-крестьянским со всеми вытекающими из крестьянской психологии мелкого собственника последствиями. Государственную политику диктатуры коренных классовых интересов пролетариата пришлось проводить через диктатуру большевистской партии. Мечте Ленина о том, чтобы каждая кухарка могла бы управлять государством, не суждено было осуществиться.

Прежде всего, не удалось создать сформулированную Марксом в "Гражданской войне во Франции" государственность типа коммуны, которая соединяла бы в себе законотворческую и исполнительную деятельность. Советский государственный аппарат с самого начала был скроен по буржуазным меркам ввиду отсутствия грамотного пролетариата и пролетарских специалистов. Поэтому на государственной службе пришлось использовать бывших царских служащих и создавать бюрократический аппарат буржуазного типа. С самого начала советская государственность предусматривала высших должностных лиц со всеми атрибутами власти и привилегиями. Следовательно, оставалось разделение труда на труд управленцев и труд управляемых. Уже к лету 1918 г. в виду начала гражданской войны пришлось создавать призывную постоянную армию, профессиональную милицию (полицию) и политическую полицию (ВЧК), а затем суды.

Гражданская война была выиграна. Но проводимая во время войны политика военного коммунизма с отменой товарно-денежного обмена в условиях глубочайшего разделения труда между городом и деревней провалилась. Она привела к 1921 г. к голоду и эпидемиям, к опасности утери власти. Поэтому после гражданской войны было принято решение строить лишь основы для перехода к социализму. И эти основы предполагалось строить через НЭП, т.е. государственный капитализм под руководством советской власти, так как именно капитализм, согласно марксистской теории, создает экономические предпосылки для социализма. Как отмечалось, большевики решили государственной надстройкой, то есть своей волей, изменять отсталый базис, производительные силы и производственные отношения. Своим сознанием определять бытие. Но отсталое советское бытие, в конце концов, и определило частнособственническое сознание большинства советских людей. Сейчас это скрывавшееся в советское время сознание прорвалось наружу. Маркс и Энгельс оказались правы. В немалой

степени этому способствовало вынужденное, с целью удержания власти, бюрократичивание советского партийного и государственного аппарата. В конце жизни Ленин в одном из своих завещательных писем о реорганизации Рабкрин предупреждал очередной съезд партии об этой опасности, которая означала увеличение разрыва (общественного разделения труда) между трудом управляющих и трудом управляемых. Он предлагал усилить контроль за партийным и государственным аппаратом со стороны Рабоче-крестьянской инспекции, в разы увеличив количество его членов за счет работающих на советских предприятиях простых рабочих и крестьян, без их отрыва от производства. Но эти ленинские предложения были реализованы Сталиным, возглавлявшим Рабкрин, формально.

Как было отмечено выше, путь преодоления разделения труда, прежде всего, между городом и деревней классики видели в слиянии промышленного и сельскохозяйственного производства, в развитии небольших поселений с современной инфраструктурой, что равномерно рассредоточивало бы промышленность по всей территории и решало бы не только экономические, но и экологические проблемы.

С таким решением полностью соглашался и Ленин. **“Капитализм, – писал он, – окончательно разрывает связь земледелия с промышленностью, но в то же время своим высшим развитием он готовит новые элементы этой связи, соединения промышленности с земледелием на почве сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда, нового расселения человечества (с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и пртивоестественного скопления гигантских масс в больших городах)”**. (См. Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С.С. 73-74).

Однако по иному считал Сталин. В **“Экономических проблемах социализма в СССР...”**, написанных Сталиным в 1952 г., он указывал, что **“почва для противоположности между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством уже ликвидирована нынешним нашим социалистическим строем**.

Это, конечно, не значит, что уничтожение противоположности между городом и деревней должно повести к “гибели больших городов” (см. “Анти-Дюринг” Энгельса). Большие города не только не погибнут, но появятся еще новые большие города, как центры наибольшего роста культуры, как центры не только большой индустрии, но и переработки сельскохозяйственных продуктов и мощного развития всех отраслей пищевой промышленности. Это обстоятельство облегчит культурный расцвет страны и приведет к выравниванию условий быта в городе и деревне”. (См. Сталин. И. Экономические проблемы социализма в СССР. М. 1953. С. 26).

По этому пути и шло развитие советского общества.

Как видим, это утверждение Сталина прямо противоположно тому, о чем писали и Маркс, и Энгельс, и Ленин. Очевидно, что рост больших городов не ведет к выравниванию условий быта в городе и деревне, в больших и малых городах, и уж тем более не позволяет преодолеть разделение городского и сельскохозяйственного труда. Рост больших городов, наоборот, увеличивает разрыв между условиями жизни городского и деревенского населения, в центральных и периферийных городах. Он закономерен для капиталистического разделения труда, т.е. для капиталистической частной собственности, а не для действия коммунистического закона перемены труда, сочетания умственного городского и деревенского физического труда.

Более того, Сталин вообще по своему разумению интерпретировал понятие разделения труда, считая это творческим развитием марксизма. В это понятие он включил как противоположность интересов между городом и деревней, умственным и физическим трудом, так и существенные и несущественные различия между ними. В **“Экономических проблемах социализма в СССР”** он писал: **“Несомненно, что с уничтожением капитализма и системы эксплуатации, с укреплением социалистического строя в нашей стране должна была исчезнуть и противоположность интересов между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством. Оно так и произошло... Конечно, рабочие и колхозное крестьянство составляют все же два класса, отличающиеся друг от друга по своему положению. Но это различие ни в коей мере не ослабляет их дружбу...”**

Понятно, что с уничтожением капитализма и системы эксплуатации должна была исчезнуть и противоположность интересов между физическим и умственным трудом. И она действительно исчезла при нашем современном социалистическом строе. Теперь люди физического труда и руководящий персонал являются не врагами, а товарищами – друзьями, членами единого производственного коллектива, кровно заинтересованного в преуспевании и улучшении производства. От былой вражды между ними не осталось и следа”. (См. Экономические проблемы социализма в СССР. С. 25-27).

Итак, Сталин приходит к ошибочному выводу, что социализм в СССР по существу преодолел разделение труда, так как, по его мнению, была преодолена противоположность

интересов между городом и деревней, умственным и физическим трудом, трудом руководящего персонала (управленческим) и трудом рабочих (управляемым). Эта противоположность, полагал он, преодолена в связи с обращением в государственную собственность средств производства и земли, а также в связи с построением социалистического общества, в котором интересы всех слоев населения якобы совпадали.

Однако Сталин, тем самым выдавал желаемое за действительное. На самом же деле противоположность интересов между городом и деревней, умственным и физическим трудом исчезнуть не могла, так как эти виды труда были разделены. Поэтому оставались элементы частной собственности в форме государственного капитализма, выражавшегося в государственной, а не общей собственности на средства производства; наемном труде; товарно-денежном обмене, в пожизненных профессиях, в принудительном труде.

В 1930-е годы имел место огромный разрыв между городским и деревенским трудом. Индустриализация осуществлялась по существу за счет эксплуатации деревни через ценовые ножницы. Более того, сельский житель не имел права выбора, так как не имел паспорта, а, следовательно, был, как правило, пожизненно привязан к сельскохозяйственному, в основном физическому труду. Но и в основе городского труда лежали пожизненные профессии.

Не намного, по сравнению с довоенным временем, изменились условия жизни городских и сельских жителей и в 1950-е годы. Не спасали в преодолении разделения городского и сельского труда созданные на селе Машинно-тракторные станции (МТС), которые Сталин считал “смычкой” между городом и деревней, так как в них осуществлялся городской труд. В них же располагались политорганы на селе.

Однако классики предполагали не “смычку”, а “слияние” городского и деревенского труда в едином производственном цикле.

В хрущевско-брежневские времена предпринимались попытки решения этой проблемы путем создания агропромышленных комплексов (АПК), а также развития поселков городского типа, приближенных к источникам сырья. Но такие поселки развивались не вместо развития крупных городов, а вместе с их развитием, что выражало собой частно-собственнические тенденции.

Кроме того, в это же время предпринимались попытки формировать всесторонне развитую личность путем введения в средних школах политехнического образования, а в вузах широкую специализацию с базовыми философскими и иными обществоведческими знаниями. Но все это не носило последовательного и целенаправленного характера. А запрещение в СССР использования детского производительного труда, пропаганда семьи, как экономической ячейки общества, в условиях еще остававшегося значительного общественного разделения труда, препятствовало формированию коммунистических личностей.

Таким образом, в Советском Союзе противоположность между городским и деревенским трудом, умственным и физическим трудом, трудом управленца и управляемого преодолена не была в силу недостаточного развития орудий производства и человека, недостаточности производства жизненных средств, которых не хватало для удовлетворения человеческих потребностей. Именно недоразвитость производительных сил, недостаточное оснащение техникой и недостаток всесторонне развитых личностей обуславливали разделение городского и деревенского, умственного и физического труда, труда управленца и управляемого. А недостаточное производство жизненных средств вынуждало распределять их не по потребностям, а по труду через товарно-денежные отношения, которые расслаивали общество на богатых и бедных, на начальников и подчиненных.

Согласно марксистскому учению, пока разделение деятельности совершается не добровольно, а стихийно, когда человеку навязывается какой-нибудь исключительный круг деятельности для добывания средств к жизни, собственная деятельность человека становится для него чуждой, угнетающей силой. Но **“вместе с разделением труда, - указывали классики, - дано и противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом”**.

Не случайно, поэтому в СССР **“интересы отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов”** часто не совпадали. Отсюда и не качественная продукция, проблема т.н. “несунов” в 1970-80 е годы, эгоизм воспитания детей в семье, как хозяйственной ячейки общества. Но, ведь, из марксова учения известно, что семья, как хозяйственная ячейка общества, а не союз любящих сердец, является врагом коммунизма, так как в этом случае семья противопоставляет себя обществу. Советская семья еще оставалась хозяйственной ячейкой общества. Ей была отведена главная экономическая роль в производстве и выращивании детей. Однако советская пропаганда вбивала в голову обывателю, что такая семья является ячейкой социалистического общества, будущего коммунистического общества.

Кроме того, поскольку, по утверждению Сталина, противоречия между городом и деревней, а также между умственным и физическим трудом в СССР были ликвидированы, постольку Сталиным, как он полагал, было сказано новое слово в развитии марксизма. **“Совершенно другой характер, – пишет он, – имеет проблема исчезновения различий между городом (промышленностью) и деревней (сельским хозяйством), между физическим и умственным трудом. Эта проблема не ставилась классиками марксизма. Это новая проблема, поставленная практикой нашего социалистического строительства...”**

Главное существенное различие между городским и деревенским трудом Сталин видел в форме собственности. Он указывал, **“что в промышленности мы имеем общенародную собственность на средства производства и продукцию производства, тогда как в сельском хозяйстве имеем не общенародную, а групповую, колхозную собственность. Уже говорилось, что это обстоятельство ведет к сохранению товарного обращения”...**

С точки зрения марксистской теории в этом суждении все перепутано. Если марксизм считает причиной разделения труда между городом и деревней недостаточный уровень развития производительных сил, т.е. орудий труда и человека, то Сталин, почему-то, усмотрел эту причину в форме собственности. Можно подумать, что единая государственная собственность на промышленную и сельскохозяйственную продукцию ликвидировала бы существенные различия между городским и деревенским трудом без развития передового машинного производства, без ликвидации больших городов, без слияния городского и деревенского труда и условий жизни городского и деревенского населения. Тем более что земля и так находилась в собственности государства.

“То же самое, – продолжает Сталин, – нужно сказать о проблеме уничтожения существенного различия между трудом умственным и трудом физическим”. Сталин указывал, что уничтожение **“существенного различия между умственным и физическим трудом”** произойдет в том числе **“путем поднятия культурно-технического уровня рабочих до уровня технического персонала”**.

А вот несущественные различия Сталин считал непреодолимыми. Они, по его мнению, останутся и при полном коммунизме. В этой связи он писал: **“Некоторые товарищи утверждают, что со временем исчезнет не только существенное различие между промышленностью и сельским хозяйством, между физическим и умственным трудом, но исчезнет также всякое различие между ними. Это неверно. Уничтожение существенного различия между промышленностью и сельским хозяйством не может привести к уничтожению всякого различия между ними. Какое – то различие, хотя и несущественное, безусловно, останется ввиду различий в условиях работы в промышленности и в сельском хозяйстве. Даже в промышленности, если иметь в виду различные ее отрасли, условия работы не везде одинаковы: условия работы, например, шахтеров отличаются от условий работы машиностроительных рабочих. Если это верно, то тем более должно сохраниться известное различие между промышленностью и сельским хозяйством.**

То же самое надо сказать насчет различия между трудом умственным и трудом физическим. Существенное различие между ними в смысле разрыва в культурно-техническом уровне, безусловно, исчезнет. Но какое-то различие, хотя и несущественное, все же сохранится, хотя бы потому, что условия работы руководящего состава предприятий не одинаковы с условиями работы рабочих”. (См. там же. С. 29). Следовательно, к несущественным различиям, которые будут иметь место и при полном коммунизме, Сталин относил различия в условиях труда в промышленности и в сельском хозяйстве, различия в условиях труда рабочих разной специализации, а также **“руководящего состава”** и рабочих. Совершенно очевидно, что Сталин путал в этом случае понятия естественного разделения труда, требующего определенной специализации, с общественным разделением труда на пожизненно оплачиваемые профессии, обусловленные товарным производством и обменом. Следовательно, Сталин допускал действие закона общественного разделения труда, а, значит, и отношений частной собственности и при полном коммунизме. Он, видимо, недопонимал не только сути марксистского учения о капиталистическом разделении труда, которое обусловлено господством товарного производства и обмена в силу недоразвитых производительных сил, порождающих отношения буржуазной частной собственности, но и сути коммунизма вообще. При полном коммунизме, согласно марксистскому учению, не будет условий для общественного разделения труда, а будет действовать закон перемены общественного труда.

О недопонимании Сталиным проблемы общественного разделения труда свидетельствует и его высказывание о том, что при переходе к полному коммунизму **члены общества должны будут иметь “возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития, чтобы они имели возможность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными на всю жизнь, в силу существующего**

разделения труда, к одной какой-либо профессии”. (См. Экономические проблемы социализма в СССР. С. 68). Значит, по Сталину, при полном коммунизме останутся пожизненные профессии, которые член общества будет свободно выбирать в связи с полученным образованием. Тем самым Сталин по существу допускал коммунистическое разделение труда. А это позиция ни Маркса, ни Энгельса и ни Ленина, а позиция Е. Дюринга, которую Маркс с Энгельсом как раз и подвергли критике. Как отмечалось, Дюринг, как и Сталин, отрицал возможность полного устранения разделения труда. Он полагал этот вопрос “решенным, раз будут приниматься во внимание различия природных условий и личных способностей.... Привлекательность восхождения к таким родам деятельности, – писал он, – которые требуют больших способностей и предварительной подготовки, будет покоиться исключительно на склонности к соответствующему занятию и на удовольствии от выполнения именно этой и никакой другой вещи (выполнение вещи!)”. Опровергая это заблуждение, Энгельс пишет: **“Теперь, после всего сказанного, можно оценить по достоинству ребяческое представление г-на Дюринга, будто общество может взять во владение всю совокупность средств производства, не производя коренного переворота в старом способе производства и не устраняя, прежде всего старого разделения труда; будто задача может считаться решенной, раз только “будут приниматься во внимание природные условия и личные способности”.** При этом, однако, целые массы человеческих существ останутся по-прежнему прикованными к производству одного вида продуктов, целые “населения” будут заняты в одной какой-нибудь отрасли производства, и человечество будет, как и до сих пор, делиться на известное число различным образом искалеченных “экономических разновидностей”, каковыми являются “тачечники” и “архитекторы”. Выходит, что общество в целом должно стать господином средств производства лишь для того, чтобы каждый отдельный член общества оставался рабом своих средств производства, получив только право выбирать, какое средство производства должно поработать его”. (См. Анти- Дюринг. С.С. 301-302).

И далее Энгельс высмеивает Дюринга в связи с тем, что в изобретенном им свободном обществе будут существовать такие государственные атрибуты, как армия, полиция, жандармерия, а так же **“само собой разумеется, вполне свободная и всем доступная адвокатура”.**

Противоречащее марксизму сталинское понимание разделения труда, допущение существования разделения труда в виде несущественных различий в полном коммунистическом обществе было взято на вооружение КПСС, общественной наукой и пропагандой в после сталинский период.

Так, например, в учебном пособии по научному коммунизму 1973 г. в разделе “Преодоление социально-классового содержания разделения труда” читаем: *“Система социалистического общественного разделения труда представляет собой новую, более высокую по сравнению с капиталистической, форму разделения труда, хотя и сохраняющую отдельные элементы старой системы, связанные с уровнем развития производительных сил. Социалистическая система разделения труда непрерывно изменяется, совершенствуется, развивается в направлении перерастания в коммунистическую систему общественного разделения труда, которая будет качественно отличаться от предыдущей. Коммунистическое разделение труда будет базироваться на уничтожении существенных различий между физическим и умственным, индустриальным и сельскохозяйственным трудом, на выравнивании квалификации работников и уровня технической оснащенности их труда. Оно не будет иметь социально- классового содержания, ибо само общество станет социально-однородным”.* (См. Научный коммунизм. Учебное пособие. М. Высшая школа.1973. С. 319).

Это суждение находится в полном противоречии с марксистской теорией. Ибо как может быть общество “социально-однородным” в условиях разделения труда.

Как видим, в учебной литературе в послесталинское время повторялись сталинские ошибочные положения. В ней речь уже шла не только о социалистическом, но и о коммунистическом разделении труда.

Советская общественная наука повторяла и другой сталинский антимарксистский перл относительно развития советской государственности. Так, в отчетном докладе съезду “О работе ЦК ВКП(б)” 10 марта 1939 года Сталин говорил: **“Как видите, мы имеем теперь совершенно новое, социалистическое государство, не виданное еще в истории и значительно отличающееся по своей форме и функциям от социалистического государства первой фазы.**

Но развитие не может остановиться на этом. Мы идем дальше, вперед, к коммунизму. Сохранится ли у нас государство также и в период коммунизма?

Да, сохранится, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение, если не будет уничтожена опасность военных нападений извне, причем понятно, что формы нашего государства вновь будут изменены, сообразно с изменением внутренней и внешней обстановки.

Нет, не сохранится и отомрет, если капиталистическое окружение будет ликвидировано, если оно будет заменено окружением социалистическим". (См. Сталин И. Вопросы ленинизма. Изд. 11. ОГИЗ. Госполитиздат. 1947. С. 605-606).

Утверждение о возможности достижения полного коммунизма в одной стране, находящейся в капиталистическом окружении, о возможности наличия, поэтому, государства и публичной власти, конечно, противоречило марксистской теории. Однако Сталин свои идеи укрепления государства при переходе к коммунизму и возможность существования государства при полном коммунизме называл развитием марксизма, творческим марксизмом. Укрепление советской государственности он считал диалектикой отмирания государства.

В "Словаре иностранных слов", который был издан при его жизни в 1949 году, читаем: *"Сталин блестяще развил ленинское учение о социалистическом государстве, ...пришел к гениальному выводу о необходимости сохранения государства и при коммунизме, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение, если оно не будет заменено окружением социалистическим"*. (См. Словарь иностранных слов. М. 1949. С. С. 314, 550).

Поэтому советская бюрократия расширяла свои привилегии. Депутатский корпус стал наделяться иммунитетом, механизм его отзыва усложнялся. Все это происходило наряду с ростом произвола сталинской верхушки в части репрессий.

Существование государства, государственной машины принуждения в "социалитете", как обществе будущего, допускал и Дюринг. Подобный взгляд, высказанный в его философском труде, был высмеян Энгельсом. Дюринг, характеризуя придуманное им социалистическое общество будущего, писал, что *"отдельная личность абсолютным образом подчинена государственному принуждению", но это принуждение находит себе оправдание лишь постольку, поскольку оно "действительно служит естественной справедливости". Для этой цели будут существовать "законодательство и судебная власть", которые, однако, "должны оставаться в руках всего коллектива", а затем – оборонительный союз, проявляющийся в "совместной службе в рядах войска или в составе какого-либо исполнительного органа, предназначенного для обеспечения внутренней безопасности", – следовательно, – делает вывод Энгельс, – будут существовать и армия, и полиция, и жандармы. Г-н Дюринг уже не раз показал себя бравым пруссаком; здесь же он доказывает, что имеет полное право быть поставленным рядом с тем образцовым пруссаком, который, по словам блаженной памяти министра фон Рохова, "носит своего жандарма в груди"*. (См. Анти – Дюринг. С. 320).

Во время Великой Отечественной войны, и после ее окончания расслоение советского общества продолжалось.

Так, война способствовала процессу формирования рабочей аристократии. Высококвалифицированные рабочие, те, кто был занят на важных военных производствах, освобождались от службы в армии, получали относительно высокую зарплату, обеспечивались улучшенными пайками и могли покупать товары по фиксированным ценам через систему ОРСов (Отдел рабочего снабжения). Остальные рабочие находились на полуголодном пайке.

Особо расслоение коснулось армии, где с 1943 г. были введены погоны и традиционные офицерские звания, которые существовали до революции. В двадцать четыре года сын Сталина от второго брака Василий становится генералом. Теперь командиров называли офицерами, также как при царе. Высший, средний и низший командный состав, каждый имел свои установленные привилегии. Офицеры имели солдат-вестовых, которые их обслуживали. Солдаты по существу находились в полу-рабском положении.

Для подготовки офицерской военной элиты были созданы суворовские и нахимовские училища, где особым покровительством пользовались дети офицеров. После войны началось формирование военных династий.

К концу войны военные офицеры занимали такое положение, какое не имела никакая иная прослойка советского общества. Так происходило его дальнейшее расслоение.

Поэтому, к сожалению, в общественном сознании глубоко укоренился взгляд о невозможности полного преодоления старого капиталистического разделения труда. Это внедренное в массовое сознание сталинское заблуждение затем сыграло с нашим строившим коммунизм обществом злую шутку. Оно стало одной из главных причин реставрации в нем полного капитализма, глубокого социального неравенства и вопиющей несправедливости в распределении жизненных средств.

Согласно же марксистской теории, как уже было отмечено, на переходе к полному коммунизму должно быть полностью преодолено действие закона общественного разделения

труда с заменой его законом перемены общественного труда. Личность “профессионального кретина” должна сменить всесторонне развитая “тотальная” личность (Маркс).

В этой связи вряд ли можно не согласиться с современным украинским марксистом Борисом Габруком, который справедливо отмечает, что “уничтожается “профессиональный кретинизм” (частная собственность) только в той мере, в какой труд заменяется образованием *научно-производственной деятельности* по всестороннему развитию способностей каждого человека. Все. В этом весь Маркс и научный коммунизм....

В 1920-е годы в Советской России, “как совершенно актуальный, рассматривался вопрос, что следующий этап после ликвидации неграмотности, это переход к всеобщему высшему образованию. Для коммунистов в 1920-е годы было совершенно понятно, что всеобщее высшее образование является необходимым условием уничтожения разделенного труда, т.е. отмирания государства вообще и построения социализма. Последний из могикан, который отстаивал идею образования как научно производственной деятельности и необходимости перехода на всеобщее высшее образование уже в 1930-е годы, был Макаренко”. В то время “готовились кадры и проводились научные эксперименты...”. Однако затем, “проигнорировав теорию Маркса, опыт Дзержинского-Луначарского, коммунисты все свои усилия сконцентрировали на решении “сиюминутных” задач. Тем более что по их глубокому убеждению, именно от их решения зависела судьба мировой социалистической революции.

С задачами, на решение которых буржуазии пришлось потратить не одну сотню лет, коммунисты прекрасно справились лет за десять, проведя индустриализацию. Но по ходу, воспроизвели и все те мерзости, которые характерны буржуазной эпохе. В том числе, мерзость, господствующую в общественном сознании до сих пор, что индустриальное государство, обеспечивающее своих граждан работой и социальными гарантиями – это и есть социализм. “Государство это социализм? Прекрасный образчик казарменного коммунизма...”, - удивлялся и ехидничал по поводу этого “суеверного почтения” со стороны коммунистов к государству, Энгельс.

Система образования стала работать на выполнение заказа материального производства по производству очередной порции “профессиональных кретинов”: такого-то количества бетонщиков, такого-то количества надсмотрщиков, такого-то количества колхозников, и такого-то количества чиновников, которые будут всем этим управлять. (См. Борис Габрук. Оппортунизм Троцкого и Сталина. Крамольные идеи о старой большевистской коммунистической гвардии / 29.09.2007. О гуманизме Дзержинского).

Вряд ли, однако, можно согласиться с тем, что в условиях недоразвитых производительных сил можно преодолеть действие закона общественного разделения труда. Ведь в основе разделения труда, согласно марксистской теории, лежит именно недостаточный уровень развития производительных сил, а следовательно, производства жизненных средств. Поэтому вводить всеобщее высшее образование в нищенских условиях 1930-х годов, конечно, не было никакой материальной возможности. А когда, к 60-м годам прошлого столетия, советские производительные силы достигли в своем развитии более значительного уровня, ставить вопрос о дальнейшем преодолении разделения труда было уже некому, да и не в интересах власть имущих. К тому же с подачи Сталина считалось, что в СССР была ликвидирована **“почва для противоположности между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством”**, вместе с уничтожением отношений частной собственности. Тем самым советской общественной наукой, благодаря Сталину, и был запутан сам вопрос о необходимости в ходе коммунистического развития преодоления общественного разделения труда, которое в предыдущие эпохи вместе с отношениями частной собственности играло положительную роль в развитии производительных сил, но исчерпало свои возможности на нисходящей линии развития капиталистического способа производства.